УДК 394.39

И.В.Севастьянов

КРЯШЕНСКИЙ ВОПРОС В ТАТАРСТАНЕ И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

На основе преимущественно полевых материалов автора рассматривается проблема толерантности в межэтнических отношениях в одном из наиболее этнически разнообразных субъектов РФ, каким является Республика Татарстан. Использовался метод анкетного опроса, углубленного интервью. Привлекался историко-генетический подход, метод контекстуального анализа. Показана специфика межэтнических связей и взаимоотношений в условиях местной этнической чересполосицы и влияние этих условий на эти взаимоотношения. Прослеживается влияние религиозного фактора и религиозных отличий на сферу межэтнических отношений. Осмысливается вопрос официального этнического статуса кряшен, который до сих пор представляет собой предмет дискуссий как на академическом, так и на более широком общественно-политическом уровне. Дается попытка прогноза дальнейших тенденций в развитии кряшенского этнического сообщества Республики Татартстан и его выбора своей самоидентичности.

Ключевые слова: кряшены, татары, чуваши, православие, ислам, толерантность, межконфессиональные отношения, этническая идентичность

Как известно, Татарстан является одним из наиболее полиэтничных регионов РФ. Кроме русских и татар, как преобладающих в численном отношении народов Республики, здесь компактно проживают марийцы, мордва, удмурты, чуваши. Имеются, к примеру, немецкая, украинская, еврейская, армянская диаспоры. Последние годы усилился приток населения из бывших советских республик Средней Азии и Закавказья. Кроме того, Татарстан — регион, где представлены такие религии, как ислам, христианство, иудаизм. Есть и приверженцы местных традиционных («языческих») верований — удмурты, марийцы. В постсоветский период появились приверженцы т. н. «новых» религиозных движений. При этом общая ситуация в республике приводилась как пример мирного и толерантного сосуществования представителей различных этнических и конфессиональных групп.

Своеобразную в этническом и конфессиональном отношении группу населения Республики Татарстан представляют собой кряшены (согласно последней переписи, в РФ почти 35 тыс. человек назвали себя кряшенами, с другой стороны, по оценкам специалистов, их общая численность должна составлять более 300 тыс.), вокруг официального статуса и исторического происхождения которых ведутся напряженные споры как в академических кругах, так и на более широком общественном уровне. Если официальная татарстанская историческая наука не рассматривает кряшен в качестве особой этнической (этноконфессиональной) группы татарского народа [1], то многие представители кряшенской интеллигенции считают кряшен особым народом, со своей самобытной историей. Есть также точка зрения согласно которой кряшены — часть большого «татарского суперэтноса» (куда входят и крымские, и сибирские и некоторые другие татары), только с христианским вероисповеданием [2].

Своеобразие этнокультурного облика кряшен заключается в сочетании татарского языка (в кряшенских церковных приходах он является языком богослужения) и православного вероисповедания, которое было принято их предками еще в XVI столетии. Принадлежность к православию сказалась на многих особенностях традиционной культуры кряшен: народном праздничном календаре, обрядах жизненного цикла, особенностях костюма и некотором др. Все перечисленное и обусловило этническое отличие кряшен от татар-мусульман. Во многом особняком стоит локально-этнографическая группа т.н. молькеевских кряшен (место расселения — Кайбицкий район РТ, граничащий с Чувашской Республикой). Исторически и культурно молькеевские кряшены очень близки к своим соседям-чувашам. В то же время у них сильнее ощущается татарско-мусульманское влияние, чем в среде других этнографических групп кряшен.

Произошедшие в ночь на 29 ноября 2013 поджоги православных церквей в селах Албай Мамадышского района и Крещеные Казыли Рыбно-слободского района Республики Татарстан заставили всколыхнуться многих местных прихожан РПЦ, немалую часть которых в этом регионе составляют кряшены. Характерно, что указанные села относятся к числу кряшенских по составу своего населения. Незадолго до того горела церковь в селе Ленино Нижнешешминского района РТ, где также был кряшенский православный приход. Судя по всему, и здесь имел место намеренный поджог (См. Новая Газета. № 261 (6024) от 02.12.2013).

Надо сказать, что это были не первые случаи попыток покушения на православные приходы РТ через действия подобного рода. Незадолго до того имел место пожар в церкви города Чистополь, а несколькими годами ранее горела церковь в Набережных Челнах. Все перечисленное заставляет по-новому задуматься о проблемах межконфессиональных и межэтнических отношений в Татарстане. Тем более что прежде (по крайней мере, в новейший период истории) в Татарстане не наблюдалось открытых конфликтов на национальной или религиозной почве.

Следует пояснить, что данная статья основывается главным образом на полевых материалах, собранных автором во время экспедиционных выездов в Республику Татарстан (в 2001, 2005, 2006, 2010 гг.). Особый

интерес для изучения здесь представляли две этнографические группы кряшен: «заказанская» и «молькеевская». Обе названых группы отличаются выраженной спецификой в традиционной культуре и в особенностях своего исторического формирования. По этой причине они и были взяты нами для сравнительного исследования. Эти перечисленные особенности определяют, в свою очередь, и особенности межэтнического взаимодействия представителей двух названных этнографических групп со своими непосредственными соседями: татарами-мусульманами, русскими, чувашами. К тому же проблема межэтнического взаимодействия напрямую связана с интересующей нас темой толерантности в национальной сфере. Сама проблема толерантности здесь взята неслучайно, поскольку в специфических условиях Республики Татарстан связанные с ней вопросы представляются особенно актуальными. Если толковать толерантность как терпимо-уважительное отношение к иным традициям, взглядам, идентичности и т.п. при сохранении приверженности собственной системе ценностей, то в случае интересующего нас региона этот вопрос толерантности тем более требует осмысления на конкретном материале.

Если попытаться осмыслить историю данного вопроса, то следует обратиться к временам начальной христианизации тюркоязычного населения Среднего Поволжья, XVI—XVIII вв. Как известно, принимавшие после присоединения к Московскому царству Казани крещение служилые татары получали ряд льгот социально-экономического характера (освобождение от налогов на определенное количество лет, продвижение по службе, получение лучших земель, освобождение от долговой зависимости и т. п.). В то же время, как отмечают исследователи, снимавшийся с «новокрещеных» фискальный груз ложился на плечи оставшихся в мусульманстве [3]. Все это не могло не порождать определенные противоречия между первыми и вторыми. Еще больше ситуация усугубилась в XVIII столетии, когда с учреждением т.н. Новокрещенской конторы резко усилилось административное и, отчасти, даже силовое давление на мусульманское население Волго-Уралья. Неудивительно, что в этих условиях конфронтация «крещеных» и татар-мусульман могла только усугубляться. Так, известный русский путешественник XVIII столетия И.Лепехин отмечал царящие между крещеными татарами и их соплеменниками-мусульманами «безладицу» и вражду [4].

Православные миссионеры XIX также приводят в своих записях факты существовавшей между «старокрещеными татарами» (кряшенами) и мусульманами неприязни. Об этом, например, свидетельствует в своих «Воспоминаниях старокрещеного татарина из его жизни» один из сподвижников миссии при Казанской епархии С.Данилов [5]. Кроме того, известно, что кряшен, преданных православной вере и сильно в ней укоренившихся, татары-мусульмане в то время называли «*кара кряшен*» т. е. «черный кряшен», что содержало в себе негативный оттенок в противоположность словосочетанию «*ак кряшен*» («белый кряшен») — кряшен, преданный исламу, по сути дела уже ставший мусульманином [6].

В советское время, когда религия официально подлежала вытеснению из всех сфер жизни общества, конфессиональные различия между кряшенами и татарами-мусульманами были объявлены неактуальными и несущественными в новых социальных реалиях. Тем более, согласно советской экспертной установке религиозная отличительность не могла быть определяющей чертой для той или иной национальности. По этой причине к 30-м годам XX столетия был взят курс на слияние кряшен с «социалистической» татарской нацией. Слово «кряшен» вскоре исчезает из официального оборота в качестве этнической единицы в том числе и по причине того, что список официально признанных в СССР народов был сокращен по личной инициативе И.В.Сталина. Был взят курс на слияние самобытной культуры кряшен с новой советской татарской культурой, «национальной по форме, социалистической по содержанию».

В постсоветский период истории религия (как христианство, так и ислам) снова возвращается в общественное поле. Тогда же, в 1990-е, в Республике Татарстан идет противоречивый процесс национального возрождения и политической суверенизации. Республиканская элита оказывается озабочена перспективами нового местного нациестроительства в условиях постсоветских реалий. С этими перспективами оказались связанными в том числе и задачи выработки подходящей версии национальной истории уже на новых основаниях, отличающихся от прежних, основанных на догматах марксизма-ленинизма.

В этих новых социальных и этнополитических условиях снова обнаружил себя вопрос самоопределения и этнического статуса кряшен (в официальных республиканских СМИ и печати часто называемых «татарами-кряшенами» или даже «крещеными татарами»). По словам отдельных моих респондентов-татарстанцев, представителей православного духовенства, в то время «только ленивый не обсуждал здесь (в Татарстане) тему кряшен» [7]. Вопрос религиозного разграничения в рамках единого татарского лингвистического массива неожиданно снова стал актуальным. Как показывают недавние исследования, для «национально ориентированных» представителей татарского народа исламская идентичность и ориентация на «мусульманские ценности» в 90-е годы стали вновь важными и по-своему взаимодополняющими категориями [8]. Сходную тенденцию исследователи отмечают и в кряшенской среде, только здесь религиозной ценностью является православие [9].

Немаловажно отметить и то, что к концу 1990-х углубляется расхождение между кряшенскими общественными организациями и ТОЦ (в котором, между тем, провозглашалась ориентация на ценности исламской культуры), в составе которого эти организации были представлены еще с 1989—90 гг. Вероятной причиной их взаимного отчуждения могли быть, в том числе, и нетолерантные по своему характеру высказывания в адрес кряшен, связанные с их конфессиональной принадлежностью и предполагаемыми особенностями их исторического формирования, появлявшиеся в республиканской печати в начале 1990-х

годов. Подобного рода проявления нетолерантного отношения к кряшенам как этноконфессиональному сообществу, имевшие место в то время, признаются как факт современными татарстанскими исследователями-историками [1, с. 550].

В преддверии Всероссийской переписи населения 2002 года пути ТОЦ и кряшенских общественных организаций окончательно расходятся. В октябре 2001 года общественные организации кряшен Республики Татарстан приняли «декларацию о самоопределении кряшен как народа», продемонстрировав таким образом желание стать отдельной от татар самобытной этнической общностью [1, с. 553].

В 2002 году, во время подготовки к Всероссийской переписи населения. проблема, связанная с желанием части кряшен самоопределится в качестве отдельного от татар «этноса» получила широкий резонанс как в кругах этнологов-специалистов, так и в СМИ, а также на политическом уровне. Как известно, в результате всей кампании, развернутой в пределах РТ вокруг кряшенской проблемы, в дискуссию вокруг кряшенского вопроса были вовлечены представители высшего политического истеблишмента РФ, в том числе М.Шаймиев и патриарх Алексий II. Всероссийской переписью 2002 года было выявлено лишь около 25 тысяч человек, определивших себя непосредственно кряшенами; в том числе на территории Башкирии и Удмуртии, где издавна имеются кряшенские поселения [10].

Больше всего дискуссий и споров вызывал этнический статус данной этноконфессиональной группы, исторически занимающей промежуточное, «переходное», положение между преимущественно христианскими народами Урало-поволжья и татарско-мусульманским сообществом этого региона. Поскольку кряшены Татарстана являются этническим и, в определенной степени, религиозным меньшинством (внутри татарского этнолингвистического массива), то проблема уважительного отношения к их особой идентичности и традиционной культуре представляется одной из наиболее важных в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений в Республике. Именно в связи с кряшенской проблемой в переписи 2002 г. в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений в РТ дал о себе знать вопрос о признании за гражданами свободы в выборе своей этнокультурной принадлежности.

Данная проблема, связанная с толерантностью, имеет несколько уровней проявления. Первый уровень проблемы замыкается в сфере политического измерения «кряшенского вопроса» в Татарстане. С одной стороны, мы видим здесь политические амбиции республиканского истэблишмента и официальных национальных идеологов, с другой стороны, амбиции активистов кряшенского движения. Для первой стороны характерно отрицание кряшенской этнической самобытности взгляд на факт существования данной этноконфессиональной группы как на результат политики насильственной христианизации татарского народа царским правительством (с XVI века). В республиканской прессе звучали даже попытки шельмования кряшен как «пособников оккупантов», «агентов Москвы», звучали призывы «снова» обратить их в ислам [11]. В качестве примера можно привести статью татарстанского публициста Ф.Балтача «Гордиться или стыдиться должны кряшены?», в которой в довольно безапелляционной манере предки нынешних кряшен обвинялись в пособничестве «русским колонизаторам» и в «измене мусульманской религии» по политически-конъюнктурным соображениям (имелось в виду завоевание Казанского ханства Иваном IV и последовавшее вслед за этим распространение православие среди местных народов) [12]. Под конец статьи Ф.Балтач предлагал кряшенам вернуться в ислам, чтобы таким образом «исправить» допущенные их предками «ошибки» по отношению к своим соплеменникам-татарам. Подобного рода высказывания являют пример нетолерантного отношения к исповедуемой большинством кряшен религии и, соответственно, их конфессиональному выбору, причем с опорой на доводы демагогического характера, поданные в наукообразной оболочке. К тому же тезис об «отходе» предков кряшен от ислама вообще очень спорный, поскольку накопленные к настоящему времени историко-этнографические данные скорее свидетельствуют об их языческом мировоззрении и отсутствии мусульманского влияния на традиционный жизненный уклад [13].

Известно, что перед переписью 2002 года в РТ на официальном уровне проводилась широкая агитационная компания «Запишись татарином», а президент Татарстана М.Шаймиев жаловался на то, что ученые из Института этнологии и антропологии РАН своими призывами «установить национальность кряшен» раскалывают «татарскую нацию» [14]. Целью подобных компаний было убедить как можно большее количество людей записаться татарами в графе «национальность» переписного листа. Очевидно, что обращена была эта агитация прежде всего к представителям кряшенского населения Татарстана и сопредельных регионов. Мне самому приходилось слышать от отдельных респондентов много разговоров о том, что во время той переписи людей порой даже слишком настойчиво убеждали записываться татарами «по национальности», а не кряшенами. Притом данные моих собственных анкетных опросов показали, что большинство (более 70%) моих респондентов из числа заказанских кряшен (Пестречинский район РТ) предпочли именно «кряшенскую» (а не татарскую или «крещено-татарскую») идентичность. В то же время, как мне лично пришлось убедиться, все они в хозяйственных книгах были записаны «татарами» [15].

Кроме того, по словам одного из главных активистов кряшенского движения В.Абрамова, в 1995 г. в районных администрациях РТ не было ни одного служащего из кряшен, все, кто был — увольнялись [16]. Все это опять же можно расценить как явно нетолерантную по отношению к рассматриваемому этноконфессиональному меньшинству политику и даже прямую «кряшенофобию». В то же время от некоторых татарстанских политиков можно было услышать выражение благодарности кряшенам за то, что они сохранили многие архаичные черты татарской культуры, утраченные в местной мусульманской среде.

С другой стороны, некоторые активисты кряшенского движения пытаются проводить линию резкого разграничения кряшен и татар-мусульман, представляя кряшен как совершенно обособленный от татар народ, с отдельной историей, уходящей в глубь веков. Подобного рода точка зрения поддерживалась в право-патриотической российской прессе православной ориентации, в частности, на страницах журнала «Русский дом», где было опубликовано несколько статей, посвященных «кряшенскому вопросу» в Татарстане [17]. Для подобных публикаций характерен пафос довольно резкого противопоставления кряшен остальному татароязычному населению республики и делается особый упор на различии в вероисповедании представителей двух этнических групп (кряшен и татар-мусульман). Сами кряшены рассматриваются здесь как «высоко консолидированный тюркский этнос» и потомки булгар, которые якобы были христианами [18].

С одной стороны, и здесь мы подходим к другому, скорее «бытовому», уровню рассматриваемой проблемы, подобная точка зрения на проблему может найти отклик у части кряшенского населения, особенно приверженной православной религии, т.к. «татарин» в их представлении практически равно категории «мусульманин». В бытовом фольклоре молькеевских кряшен мною были отмечены негативные высказывания в адрес татар [19]. С другой стороны, результаты массового опроса показывают, что многие из кряшен данных районов имеют среди родственников татар-мусульман, распространены дружеские неформальные связи. В то же время приходилось слышать, что татары-мусульмане обычно «отстраняют» их от себя или сами отстраняются при случае. В то же время, в среде молькеевских кряшен приходилось слышать и некоторые отрицательные характеристики чувашей, связанные с определенными этническими стереотипами. При этом любопытно, что у молькеевских кряшен наибольшее число межэтнических браков заключается именно с представителями чувашского народа и сами татары-мусульмане в быту нередко называют молькеевских кряшен «чувашами», что в специфическом местном контексте может являться не совсем толерантным эпитетом [19].

Нельзя не учитывать при рассмотрении этой проблемы и религиозный фактор. Последние годы ислам все более возвращается в общественную жизнь Татарстана и становится значимой составляющей татарской национальной идеологии и общего культурного багажа. В этой связи разделение между татарами-мусульманами и кряшенами может иметь явную тенденцию к усилению. Особенно нетерпимое и явно агрессивное отношение к исповедуемой многими кряшенами православной вере, как мы теперь видим на примере последних событий, проявляется со стороны групп исламских радикалов (т.н. «ваххабитов») нелегально действующих на территории Татарстана. Параллельно может усиливаться значение религии и в кряшенских православных анклавах. Часто говорится о роли религии в процессе распространения норм толерантности в российском сообществе. Между тем, пример современного Татарстана показывает, что религиозные институты пока слабо справляются с этой ролью. Один из главных активистов кряшенского движения В.Абрамов, по его же словам, видел причину идеологического и административного давления на кряшен Татарстана в соперничестве между исламом и православием в регионе [16]. Можно и оспаривать подобную точку зрения. Между тем известно, что еще в XIX столетии «крещеные татары» были предметом соперничества между православными и мусульманскими проповедниками, и что созданная Н.И.Ильминским система миссионерского просвещения «инородцев» (прежде всего «крещеных») была призвана противостоять мусульманской пропаганде среди них [20]. Отголоски того соперничества и взаимного недоверия, по всей видимости, сказываются и в настоящее время. Иначе как расценивать недавние призывы со стороны части мусульманского духовенства обратить кряшен «обратно в ислам»? Теперь же мы видим, что в это соперничество включились приверженцы т.н. «чистого ислама» с присущими им террористическими методами борьбы. Прежде, в 1990-х годах, здесь имело место давление со стороны республиканской номенклатуры, ориентированной на этнократию. Как отмечает видный отечественный этнолог В.А.Шнирельман [21], еще во времена СССР местные национальные элиты всеми силами укрепляли у своих народов этническое самосознание (вернее даже сказать — «правильное» этническое самосознание), и, следовательно, были склонны привязывать этносы к конкретным, «исконным» для них территориям и приписывать им наследственные «родовые» психологические черты. К тому же, как подчеркивает исследователь, в СССР наибольшая социальная конкуренция наблюдалась в сфере политики. Во многом на этой почве возникала враждебность и недоверие к этнокультурным чужакам, в которых усматривали социальных и политических соперников, против которых использовали риторику, основанную на культурно-исторической аргументации, облаченную в наукообразную форму [21, с. 288-289]. Судя по всему, подобного рода тенденции во многом дают о себе знать и в политической ситуации новейшего, постсоветского, времени, сложившейся в Татарстане вокруг кряшенского вопроса. Соответствующие примеры уже приводились выше. Сейчас к привычной номенклатурной политике в отношении проблемы этнического самоопределения кряшен добавилась прямая агрессия, исходящая со стороны исламских радикалов, непримиримо настроенных к православию в Татарстане в целом.

До настоящего времени в республике не наблюдалось столь вопиющего вандализма на религиозной почве, подобного упомянутым выше поджогам православных церквей зимой 2013 г. Даже явно недружественные и нетолерантные выступления никем не квалифицировались как терроризм. Примеры из прошлых лет: в Набережных Челнах в 1999—2000 гг. были попытки демонтажа строящейся в городе православной церкви, имели место протесты «Иттифака» против открытия здесь кряшенского церковного прихода. Но в то время не было отмечено каких-либо насильственных действий с обеих сторон, а именно столкновений на религиозной почве, уничтожения культовых строений и т.п.

Впрочем, в последние годы от некоторых респондентов кряшенского происхождения, жителей Татарстана, можно услышать высказывания об определенных позитивных изменениях: мол, «при Миниханове лучше стало отношение» [22].

Показательно то, что и у кряшен, и у татар-мусульман, как и у русских, нередко одинаковым образом проявляются некоторые негативные стереотипы по отношению к выходцам с Кавказа и из Средней Азии, даже несмотря на то, что многие из иммигрантов придерживаются ислама и говорят на тюркских языках (азербайджанском, узбекском, киргизском). К примеру, мне лично приходилось слышать от людей кряшенского происхождения суждения о разнице между их «местным, сельским» менталитетом и менталитетом недавних мигрантов из Средней Азии [23].

В то же время в современном Татарстане и у татар-мусульман, и у кряшен укоренилась традиция взаимного посещения таких характерных для них «национальных» торжеств, как сабантуй или Петров день. Основываясь на своих собственных наблюдениях, отмечу, что на празднование кряшенского Петрова дня в последнее время собирается немало и татар-мусульман (об этом можно судить по наличию традиционных головных уборов — тюбетеек). По-видимому, эти праздничные гуляния посещает все большее число людей, причем невзирая на религиозную принадлежность. И здесь нельзя не признать положительную роль такого рода народных традиций, способствующих сближению представителей разных этнических групп, причем на самом массовом, бытовом уровне. Кроме того, в Республике наблюдается большое количество этнически смешанных браков. Основываясь на данных анкетного опроса, проведенного мною среди кряшен Пестречинского и Кайбицкого районов, можно сделать определенный вывод: большинство опрошенных (около 70%) согласилось с тем, что национальность при заключении брака существенного значения не имеет [24].

Очевидно за многие века совместного проживания на общей территории у народов, населяющих Среднее Поволжье, выработалось немалое количество общих культурных черт, характерных поведенческих стереотипов, способствовавших их постепенному сближению, даже несмотря на конфессиональные различия. Особенно интенсивно процессы такого рода сближения шли во времена СССР, чему способствовала модернизация всего жизненного уклада народных масс. И это в настоящее время оказывается более значимым, чем умозрительные построения некоторых идеологов на тему «тюркской цивилизации» и панисламизма. С другой стороны, в целом мирным и вполне толерантным взаимоотношениям народов Татарстана сейчас может угрожать пропаганда радикального исламизма, а также импорт подобной экстремистской идеологии из некоторых зарубежных стран. Недавние поджоги церквей, явившиеся, по сути, террористическими покушениями на кряшенские православные приходы, стали зримым доказательством того взрывоопасного потенциала, который несет в себе такого рода идеология.

В свою очередь, кряшенское сообщество Татарстана может отреагировать на указанные неблагоприятные тенденции стремлением к большей этнокультурной обособленности, обострением чувства своей этнического и конфессионального своеобразия, особенно по отношению к татарскому населению Республики. Может в целом усилиться значимость собственной религиозной идентичности для верующей части кряшен. Подобного рода взаимное обособление на почве этноконфессиональных различий нельзя считать благоприятной тенденцией для взаимного сосуществования народов, населяющих современный Татарстан.

1. История и культура татар-кряшен (XVI—XX вв.) / Под ред. Р.С.Хакимова, Р.Р.Исхакова. Казань: Изд-во Института истории им. Ш.Марджани АН Республики Татарстан, 2017. 959 с.
2. Дунаева Т.Г. Кряшеноведение. Библиографический указатель. Казань: Издательство КГУКИ, 2008. 282 с.
3. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 года. Казань, 1878. 262 с.
4. Лепехин И.И. Дневные записки доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. Ч. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, 1771. 537 с.
5. Данилов С. Воспоминания старокрещеного татарина из его жизни // Странник. 1872. Т. 3. С. 8-31.
6. Софийский И. О киреметях у крещеных татар Казанского края. Казань: Типогр. Университета, 1877. 12 с.
7. Личные записи автора за 2017 г.
8. Gorenburg D. Minority ethnic mobilization in the Russian Federation. Cambridge: Cambridge University press, 2003. 297 p.
9. Казьмина О.Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России: Этноконфессиональная составляющая проблемы. М.: Изд-во Московского университета (МГУ), 2009. 302 с.
10. Журавский А.В., Казьмина О.Е., Тишков В.А. (ред.). Народы России: Атлас культур и религий. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009. С. 320.
11. Соколовский С.В. Кряшены во всероссийской переписи 2002 года. М., 2004. 247 с.
12. Балтач Ф. Гордиться или стыдиться должны кряшены? // Идель. 1994. № 6. С. 61-65.
13. Исхаков Р. Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX — нач. XX вв.). Казань: Центр инновационных технологий, 2014. 331 с.
14. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
15. ПМА. Республика Татарстан, Пестречинский р-н, 2006 г.
16. ПМА. Республика Татарстан, г. Набережные Челны, 2010 г.
17. Нужны ли кряшены России? // Русский дом. 2002. № 6. С. 34-35.
18. Кряшены: тернистый путь к памяти // Русский дом. 2003. № 3. С. 24-25.
19. ПМА. Республика Татарстан, Кайбицкий р-н, С. Молькеево, 2006 г.
20. Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и Казанской центральной крещено-татарской школе. Казань: Изд. П.В.Щетинкин, 1913. 135 с.
21. Шнирельман В.А. Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма. Т. I. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 549 с.

22. Личные записи автора за 2016 г.
23. ПМА. Республика Татарстан, Елабужский р-н, д. Черкасово, 2010 г.
24. ПМА. Республика Татарстан, Кайбицкий, Пестречинский р-ны, 2006 г.

References

1. Khakimov R.C., Iskhakov R.R., eds. Istoriya i kul′tura tatar-kryashen (XVI—XX vv.) [History and culture of Tatar-Kriashen people (XVI—XX cc.)]. Kazan, 2017. 959 p.
2. Dunaeva T.G. Kryashenovedenie. Bibliograficheskiy ukazatel′ [Kriashen Studies. Bibliographic index]. Kazan, KGUKI Publ., 2008. 282 p.
3. Mozharovskiy A. Izlozhenie khoda missionerskogo dela po prosveshcheniyu kazanskikh inorodtsev s 1552 po 1867 goda [Overview of history of Christian enlightenment mission for Kazan region native peoples from 1552 to 1867.]. Kazan, 1878. 262 p.
4. Lepekhin I.I. Dnevnye zapiski doktora i Akademii nauk ad″yutanta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva, 1768 i 1769 godu, vol. 1 [Diaries of doctor and adjutant of Science Academy Ivan Lepekhin: records about different provinces of Russian state. Vol. 1]. Saint Petersburg, Imperatorskaia Academiia Nauk Publ., 1771. 537 p.
5. Danilov S. Vospominaniya starokreshchenogo tatarina iz ego zhizni [Memories of Orthodox Christian Tatar man about his life]. Strannik, 1872, vol. 3, pp. 8-31.
6. Sofiyskiy I. O kiremetyakh u kreshchenykh tatar Kazanskogo kraya [About keremet worship of Orthodox Tatars (Kriashens) of Kazan region]. Kazan, Universitet Press., 1877. 12 p.
7. Lichnye zapisi avtora za 2017 g. [Personal notes of author, 2017].
8. Gorenburg D. Minority ethnic mobilization in the Russian Federation. Cambridge, Cambridge University press, 2003. 297 p.
9. Kaz′mina O.E. Russkaya pravoslavnaya tserkov′ i novaya religioznaya situatsiya v Rossii: Ehtnokonfessional′naya sostavlyayushchaya problemy [Russian Orthodox Church and new religious situation in Russia: ethno-confessional aspect of problem]. Moscow, Moskovskii Gos. Universitet Publ., 2009. 302 p.
10. Zhuravskiy A.V., Kaz′mina O.E., Tishkov V.A. (red.). Narody Rossii: Atlas kul′tur i religiy [Peoples of Russia: Atlas of cultures and religions]. Moscow, Design. Information. Cartography Publ., 2009, p. 320.
11. Sokolovskiy S.V. Kryasheny vo vserossiyskoy perepisi 2002 goda [The Kryshen people in Russian census of 2002]. Moscow, 2004. 247 p.
12. Baltach F. Gordit′sya ili stydit′sya dolzhny kryasheny? [Should the Kriashens feel proud or ashamed?]. Idel, 1994, no. 6, pp. 61-65.
13. Iskhakov R. Ocherki istorii traditsionnoy kul′tury i religioznosti tatar-kryashen (XIX — nach. XX vv.) [Essays about history of traditional culture and religiosity of Tatar-Kriashens (XIX — beg. of XX cc.)]. Kazan, Centre of Technology innovations Publ., 2014. 331 p.
14. Tishkov V.A. Rekviem po ehtnosu: Issledovaniya po sotsial′no-kul′turnoy antropologii [A requiem for ethnos. Socio-cultural anthropology studies]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 544 p.
15. PMA. Respublika Tatarstan, Pestrechinskiy r-n, 2006 g. [Author's field materials].
16. PMA. Respublika Tatarstan, g. Naberezhnye Chelny, 2010 g. [Author's field materials].
17. Nuzhny li kryasheny Rossii? [Do Kriashens need for Russia]. Russkii Dom, 2002, no 6, pp. 34-35.
18. Kryasheny: ternistyy put′ k pamyati [The Kriashen people: thorny path to memory] Russkii Dom, 2003, no 3, pp. 24-25.
19. PMA. Respublika Tatarstan, Kaybitskiy r-n, S. Mol′keevo, 2006 g. [Author's field materials].
20. Il′minskiy N.I. O sisteme prosveshcheniya inorodtsev i Kazanskoy tsentral′noy kreshcheno-tatarskoy shkole. Kazan′: Izd. P.V.Shchetinkin, 1913. 135 s.
21. Shnirel′man V.A. Porog tolerantnosti: Ideologiya i praktika novogo rasizma, vol. I [Threshold of tolerance. Ideology and practice of new racism, vol. 1]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 549 p.
22. Lichnye zapisi avtora za 2016 g. [Personal notes of author, 2016].
23. PMA. Respublika Tatarstan, Elabuzhskiy r-n, d. Cherkasovo, 2010 g. [Author's field materials].
24. PMA. Respublika Tatarstan, Kaybitskiy, Pestrechinskiy r-ny, 2006 g. [Author's field materials].

Sevast'yanov I.V. Kriashen ethnic community in Tatarstan Rebublic: problems of identity and ethno-confessional tolerance. The main purpose of this article is a study of the sources of Kryashen question in Tatarstan Republic in relation to problem of ethnic tolerance in this multi-confessional and multi-cultural subject of Russian Federation. The considerable task of this study is analysis of genesis of Kryashen question through comparative-historical method and contextual socio-anthropological method. In addition, these socio-anthropological studies rely on original author's field materials. The author of article explores the role of religion factor in the problem of interethnic relationship in Tatarstan between Kryashen people, Chuvash people and Muslim Tatars.

Keywords: Kryashen ethic community, Tatar people, ethnic tolerance, ethnic identity, Orthodox Christianity, Islam.

Сведения об авторе. И.В.Севастьянов — соискатель Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, художник, член Московского Союза Художников; rushd-al@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.05.2018.